

Сказка шестая

Врунишка

Один мальчик любил врать. Вдохновенно, заковыристо и непонятно зачем.

– Мой внук, Валик, – пожаловалась мне его бабушка, – часто говорит неправду. Что делать?

– Сей момент буду, – отвечаю я.

Вскоре гостеприимная бабушка уже накрывала для чая стол, поставила варенье и блинчики.

– Угощайтесь, – пригласила она меня.

– Спасибо, – отвечаю, – только мне бы с Валентином пообщаться.

– Валуш, – позвала бабушка, – помой руки и обедать.

– А я уже помыл! – радостно заявил внук с порога и шмыгнул к столу.

– Когда это? – удивилась бабушка. – Ты же вот только из школы пришел. Я не слышала, чтоб водичка лилась.

– Ну как же? Бабуль, ты тут гремела половником, суп наливала, а я как раз помыл. Ты не слышала.

– А почему пятно грязное на большом пальце?

– Это я поскользнулся и почти упал, только пришлось пальцем опереться об пол.

– А чернила на указательном отчего?

– Это когда я падал, из кармана ручка выпала, я её поймал. Испачкался.

– Ещё под ногтями черно!

– Так я, когда ручку ловил, горшок цветочный задел, чуть не уронил. Зато вот земля попала под ногти.

Тут бабушка красноречиво покачала головой, глядя на внука.

– Ну как не стыдно, Валентин, – говорю. – Такое наплёл, что тебе кружева...О! – подняла палец я. – Придумала! Но это позже... Ты всё же пойдти помой руки, а потом мы с тобой побеседуем. И имей в виду: рано или поздно любой обман будет разоблачён!

– Лучше поздно, – пробормотал врунишка и убежал, а я принялась шептать заклинания, помахивая волшебной палочкой.

– Присядь, Валуша, – вкрадчиво сказала я мальчику, когда он вернулся, и подмигнула бабушке. – Как у тебя дела в школе?

– Хорошо, – принялся вдохновенно врать Валик, – сегодня я получил пятерку по географии.

– Та-а-к, – задумчиво протянула я. – А за что?

– Ну-у-у, нам было задано про Сибирь.

– Очень интересно, и?

– Там жарко и растут пальмы...

Тут мы с бабушкой заметили: на макушке у Валика появилась нежная кружевная шапочка. Пока маленький вун рассказывал, она обрастала новыми узорами, и вскоре парнишка сидел в прелестном беленьком чепчике.

– В Сибири, – тем временем продолжал мальчик, – водится много полезных искУпаемых.

– Чего-чего? – стараясь не смеяться, переспросила я.

– ИскУпаемых. Таких животных. Они полезные, только их надо искупать, а то они грязные.

Тут уж мы с бабушкой не выдержали и расхохотались.

– Мальчик мой, – сквозь смех проговорила я, – посмотри! – и поднесла к нему зеркало.

Валька, взглянув на себя, тут же сконфуженно сдёрнул с головы шапочку.

– Это что, каждый раз так будет? – насупившись, поинтересовался он.

– Да! – решительно ответила я. – До тех пор, пока ты не перестанешь врать. А то наплёл нам тут с три короба... Заметь, Валентин, плёл сам!

– Сам... – как эхо, повторил врунишка грустно.

– Хочешь совет, парень? Если уж сочинять, так письменно. Вот только почувствуешь, что тебя по-несло, хватай блокнот и пиши сказку!

Прошла неделя.

– Как дела у внука? – поинтересовалась я у своей знакомой.

– Сейчас хорошо! А сначала полный ранец кружавчиков из школы приносил. Я тогда Валентину напомнила: «Записывай свои байки...» С тех пор дела пошли на лад. Шапочек почти не стало, зато Валик исписал уже три блокнота. Неплохие сказки – я читала. Так что спасибо вам!

– На здоровье, – говорю. – Скорая Волшебная помощь к вашим услугам!

А ведь я уже собиралась подарить бабушке идею – открыть магазин для продажи чепчиков...

Сказка седьмая Отсебятина

Я незаметно присутствую на уроке. Хорошая штука – дальнозор.

– Георгий, к доске, – говорит педагог, – прочитай-ка, голубчик, заданное на дом стихотворение.

На стене качнулся портрет Некрасова, великий поэт в рамочке приосанился.

Ребята в классе оживляются.

Выходит Гоша, по дороге вызываясь взглянув на стену, и начинает декламировать:

*– Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Серёжка взлетел над забором,
А джинсы порвались мои.*

Класс хохочет. Поэт Некрасов на стене выглядит оторопевшим.

– Что это за отсебятина! Какой Серёжка! – возмущается учительница. – Откуда он взялся? Там же про Мороза было!

– Ну зачем, Эльвина Владиславовна, мы будем про деда Мороза. Это неактуально. Никто в него уже не верит, – философски рассуждает ученик.

Некрасов на портрете заметно расстраивается. – Надо о сегодняшних делах, – продолжает Георгий. – Вчера, например, я одолжил другу джинсы. Ему очень надо было. У меня джинсы крутые, а у него не очень. Он на свидание ходил.

– Это в пятом классе? – удивляется учительница.

– Любви все возрасты покорны, – важно произносит ученик. – Так вот, когда он обратно возвращался, за ним собака погналась. Он – через забор, и вот! Джинсы порвал. Мои. Я к человеку с добром, а он вон как. С другой стороны, друг ведь. Было бы жалко, если б собака покусала. Ффуух, – выдыхает после такой большой речи Гоша и победно глядит на стену с портретами.

Некрасов круглыми глазами смотрит на мальчика.

– Мда-а, – говорит Эльвина Владиславовна. – А может, тогда вспомним прошлое задание, басню Крылова?

– Хорошо, – кивает Георгий и начинает читать:

– Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела.

Быть артисткой – это дело.

Молодец! – хочу сказать.

Ребята в классе аплодируют.

– Опять отсебятина! – охает учительница. – А как же Крылов?

Класс глядит на стену, где баснописец на портрете сурово сдвинул брови.

– А я с Иваном Андреевичем не согласен! – азартно объясняет Гоша. – Разве можно Артиста осуждать за его деятельность? Тем более сезонную. Фермер, например, тоже только с весны до осени работает в поле. Правда, ему за овощи платят, а Стрекозе, бедняжке, за пение не платили, хотя, небось, слушали. Это же несправедливо!

Баснописец на портрете в ужас берётся за голову.

– Караул, – слабым голосом произносит Эльвина Владиславовна. – Скорая!

И тут пришла я:

– Кому тут нужна Скорая Волшебная помощь?

– Мне. Нам, – поправляется учительница, – ещё поэту Некрасову и баснописцу Крылову.

Классики в рамочках обессиленно обмахиваются платочками.

– Понимаю, – киваю я и делаю пассы волшебной палочкой.

Пиджачок на Гоше моментально выворачивается наизнанку, открыв весёлую разноцветную клеточку.

Мальчик растерянно оглядывает себя.

Класс хихикает.

– Что, не нравится шиворот-навыворот? – интересуюсь я. – Стихи классиков ты также вывернул!

– Я нечаянно, – шепчет Гоша.

– Нет, нарочно, – включается пришедшая в себя учительница, – он же хотел именно этого!

– Ты, наверное, хотел прочитать СВОИ стихи, – решаю утихомирить страсти я.

– Ну да, – тихо признаётся начинающий поэт и тихонько бормочет под нос:

– Мне не надо шоколада,
Я без хлеба обойдусь,
Лишь стихи – моя отрада.
Я поэзией упыюсь.

– Та-ак, – призадумываюсь я. – Что будем делать?
– Разве что, – начинает Эльвина Владиславовна, – выпустить журнал под названием...
– «Отсебятина»! – грохочет разом класс.
– Да! – оживляется Гоша. – И читать свои стихи на переменках!
– Согласна, – кивает учительница, – подчёркиваю: на переменках.
– Но ты, – я грозно смотрю на Георгия, – обязуешься на уроке читать...
– От-Него-тину! – мальчик со снисходительной улыбкой указывает на Некрасова в рамочке.
– В общем, от-Меня-тину, – Эльвина Владиславовна берёт в руки бразды правления, – потому что я здесь защищаю классиков. А то ведь они сами сказать не могут! Вот и обижают их всякие, вместо бессмертных строк читают непонятно что...

Сказка десятая Фантунки и бундерышки

Потеряла девочка свою фантунку.
На столе – нет, под кроватью – нет, где все фантунки лежат – нет. Поделилась девочка с мамой. Мама спрашивает:
– На столе смотрела?
– Смотрела.
– Под кроватью?
– Да.
– А где все фантунки лежат?
– Тоже.
– Ох, милая моя. Давай вызывать Скорую Волшебную помощь.
И тут пришла я и спросила девочку:
– Помнишь, вчера твоя фантунка хотела с тобой поговорить?
– Помню.
– А что ты ей ответила?
– Что мне некогда, потом...
– Вот видишь, сначала тебе было некогда, потом ты забыла, а сегодня ты её потеряла. Твоя фантунка ушла к бундерышке.
Девочка заплакала:
– А-а-а-а! Я её так люблю... А вдруг она ко мне не вернётся? С кем я буду шульдики плести и кафнур танцевать? Я буду по ней скучать...
– Не плачь, моя хорошая, – говорю, – твоя фантунка сказала мне по секрету, что она тоже тебя полюбила, что ты добрая и весёлая, и только с тобой ей замечательно леталось.
– Она вернётся? – всхлипывая, с надеждой спросила девочка.
– Сейчас я ей позвоню, и ты с ней поговоришь.

Поэты на стене энергично кивают.
– Ну что ж, вот и пришли к согласию, – заключаю я. – Смотри, Георгий, больше не обижай поэтов! Иначе...

Пиджак на мальчишке молниеносно разворачивается пуговицами назад. Гоша восклицает: «Опять!» и, опустив голову, растерянно ощупывает пиджачную «спину».

А я, уже в дверях, негромко, но внушительно проговариваю:

– Строчка – ты, и строчка – классик.
Не стишок строгал – салатик.
Не солидно для поэта
Быть стряпухой винегрета...
Хочешь классным быть поэтом,
И известным стать при этом?
В чём успех? Рецепта нет.
Будь собой – таков ответ!

Классики на портретах беззвучно аплодируют.

– У вас есть её номер?
– Скорая Волшебная помощь имеет номера всех фантунок и бундерышек. Но, дорогая моя, что ты ей скажешь?
– Я попрошу у неё прощения.
– Молодец! Правильно.
И я позвонила фантунке.
Так девочка нашла свою потерю, и все были счастливы.
Но, ребятаки, будьте добры и внимательны к своим фантункам и бундерышкам, да и к другим апильмухерам, если вы не хотите, чтобы они от вас ушли.

